

ЭЛЗА ВИНТЕР

МЕЖДУ

нами

ПЕРВЫЙ МГМУ
ИМ. И. М. СЕМЕНОВА

18+

18+

Эльза Винтер

Между нами

<https://litres.ru/74523104>

SelfPub; 2026

Аннотация

Доха — Москва.

Она — студентка мединститута, мусульманка, мечтающая стать хирургом и особенно остро чувствующая связь с домом и семьёй. Он — московский студент Адриан Кузнецов из Электростали.

Между ними две культуры, сумасшедшая симпатия и притяжение, которое постепенно берёт над ними верх. Но рядом с ней уже есть Амир — человек, с которым у неё своя жизнь.

«Между нами» — история о чувствах, любви и честности с теми, кто рядом. О выборе между долгом и любовью и об ошибке, которую важно признать вовремя.

Первая книга серии «Эльза Винтер» — любовная проза о расстоянии, разных культурах и смелости быть честным.

Содержание

Глава 1. Белая ворона	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Между нами

Глава 1. Белая ворона

ЖАСМИН

Сентябрьский воздух Москвы ударил в лицо, с размахом, окатив меня холодом и недоумением. Не тот сухой зной Дохи, в котором я выросла и где лето давит отовсюду разом, как раскаленная печь. Не та влажная жара Сан-Хуана, где до сих пор живет мамина родня, воздух там густой и тяжелый, как мокрая марля. Здесь было что-то совсем другое: сырой холод, который забирается под кожу и остается, обустроивается в костях, как жилец, что не собирается съезжать. Пахло выхлопными газами, мокрым асфальтом и далекой водой Москвы-реки, уставшей от осеннего тлена.

Я стояла у крыльца Первого Московского государственного медицинского университета имени Сеченова и сжимала ремень сумки так, что костяшки побелели. Здание нависало надо мной: сталинский монолит из серого камня, колонны, будто оторванные от греческого храма, но тяжелее и грубее. Над входом, в барельефе, выцветший серп и молот, призрак мира, которого я никогда не видела.

Мимо проходили студенты, по двое, по трое. Все они были бледные, это первое, что я заметила. Бледные, закутанные в ранне осеннюю одежду: длинные пальто, джинсовые

куртки, изредка кожаный бомбер. Лица их разбурянил ветер с реки. Они шли кучками, смеялись, курили, и их русская речь перекачивалась, как вода, близко, но чужая. Девушка в бордовом пальто стряхнула пепел с сигареты, что-то сказала подруге, и та согнулась от смеха. Звук был резкий, совсем чужой, язык шуток, к которому у меня еще не было ключа.

Я поправила хиджаб, темно-синий, почти в цвет глаз, и шагнула внутрь.

Коридоры пахли хлоркой, старым деревом и чем-то металлическим. Имя этому я позже выучила: формалин. Полы, заполированные тысячью ног, тускло блестели под лампами дневного света. Стены выкрашены в больничную зелень. В воздухе стояла какая-то институтская тоска: она липла к коже, оседала в легких.

Лампы гудели, и их свет был такой особенный, какого-то тошнотворно-желтый, с ним даже молодые лица казались уставшими. В руке у меня был листок: аудитория 317, лекция по топографической анатомии. Я поднялась по лестнице, мраморной, вытертой по центру чьими-то ногами. Сотни тысяч ног прошли здесь до меня, и все они знали, куда идут. Я не знала.

Аудитория 317 встретила меня тишиной.

Двадцать три головы повернулись. Двадцать три пары глаз: синие, серые, зеленые, почти черные. Они смотрели так, будто я вошла в осиное гнездо. Парень за первой партой толкнул локтем соседа и шепнул что-то, от чего оба за-

хихикали. Сосед был рыжий, в веснушках, и провожал меня взглядом, пока я шла к свободной парте в третьем ряду. Белокурая девушка с точеными скулами разглядывала меня в открытую, приоткрыв рот, как зверек, который учился ходить на двух ногах.

«Просто найди место. Просто сядь и побудь обычной, соблюдай спокойствие. Ты знала, что они будут пялиться, но ты здесь ради учебы, можно потерпеть».

Я села, сняла пальто, поставила сумку на пол, ни на кого не посмотрела, словно испуганная мышка, ворующая сыр. Но это не так: я ни у кого ничего не ворую, разве что... Нет, оборвала я саму себя. Сегодня я не буду об этом думать. Достала тетрадь, лучшую, в кожаном переплете, подарок моей мамы, и положила рядом ручку. Кожа на уголках стерлась за долгую дорогу через два континента. Соседка слева пахла ванилью и табачным дымом. Я отодвинула свой стул на два сантиметра от нее. Ножки скрипнули по полу. Звук прокатился по аудитории, как брошенный камень.

«Ладно. Я приехала сюда не за подругами».

Лектор вошел, когда прозвенел звонок. Сухонький мужчина за пятьдесят, очки на носу, который явно ломали не один раз. Халат мятый, на манжете кофейное пятно. Профессор Григорьев. Он начал говорить быстро, по-русски, строчкой из пулемета: я понимала каждое четвертое слово. Потом остановился, посмотрел на меня и перешел на английский с сильным акцентом.

— У нас в этом году иностранная студентка. Мисс...?

— Мадам. Жасмин Аль-Танни.

По рядам прокатился шепот. Имя перелетало из уст в уста, как монета: Аль-Танни. Из правящего семейства Катара. Девушка с запахом ванили и дыма обернулась. Я видела, как новость ложится на каждое лицо: расширенные глаза, пересчет. Я больше не просто девушка в хиджабе. Я богатая девушка в хиджабе.

— Из Катара, — добавила я ровно. — Говорю по-английски и по-арабски. Русский... осваиваю.

Кто-то хмыкнул: рыжий с первой парты. Григорьев погасил смешки взглядом, которым можно остановить даже трактор.

— Русский, мисс Аль-Танни, должен осваиваться быстрее. Это не школа русского языка, это университет.

— Я осилю программу, профессор. На вступительном экзамене по русскому языку я набрала девяносто семь процентов.

Я сжала зубы. Да, Амир заплатил за мое место в университете, так как к нам, тем, кто приехал с ближнего востока, относились...мягко говоря, не гостеприемно. Но это не значило, что мои знания не заслуживали места среди студентов, это значило, что мир погряз в предвзятостях.

В аудитории наступила такая тишина, что было слышно, как гудят лампы. Григорьев посмотрел на меня поверх очков и кивнул. В его ломаном лице промелькнуло что-то похожее

на уважение.

— Начнем.

Я писала конспект своим шифром: английский и арабский вперемешку: быстро, уверенно. Кости верхней конечности: ключица, лопатка, плечевая кость. Я выучила их еще в До-хе, в долгие месяцы подготовки, но записывала снова: письмо делало знания настоящими. Соседка поглядывала в мою тетрадь, любопытство в ней боролось со страхом.

Два часа пролетели. Рука устала, шея затекла, но я подняла голову, только когда Григорьев отпустил группу, и в этот момент увидела его.

Высокий блондин сидел один в последнем ряду, через три места от ближайшего соседа, будто отгородился невидимой стеной. Светловолосый, со скулами, вырезанными как из стекла. Черная кожаная куртка, потертая на локтях. Джинсы, выношенные жизнью, а не модой. Ботинки, повидавшие не одну московскую зиму. И манжеты рубашки, обтрепанные до нитки. Эта мелочь, небрежность человека, которому плевать на небрежность, застряла у меня в груди.

Он смотрел на меня.

Не так, как остальные: не с любопытством, не с презрением, не с пересчетом. В его серых, цвета зимних облаков, глазах было что-то другое. Чему я не могла дать имя. Как будто меня просвечивают рентгеном. Как будто он видит кости под моей кожей.

«Он меня оценивает».

Я выдержала его взгляд. Три секунды, пять, десять — я мысленно вела счет. Воздух между нами натянулся, стал плотным, почти осязаемым. Аудитория будто опустела, звуки отодвинулись, превратились в белый шум.

Он первый отвел глаза.

Но я успела заметить, как что-то в нем треснуло: на лице едва заметно дернулся уголок губ, будто он надкусил что-то кислое.

«Хорошо», подумала я и стала убирать вещи в сумку руками, которые почему-то дрожали.

Аудитория опустела не сразу. Кто-то задержался у доски, переписывал схему, кто-то складывал вещи медленно, с ленцой, будто день уже кончился, хотя он только начинался. Я сидела, не вставая, и смотрела на пустой стул в последнем ряду. Он сидел там, будто отгородившись невидимой стеной.

Потом я встала и подошла к нему, не знаю, зачем. Ноги сами понесли меня между партами, мимо чужих тетрадей, мимо пятен мела на полу. Стул был обычный, деревянный, с облупленной спинкой; на столешнице не осталось ни одной бумажки, ни одного следа. Только в углу синела полоска — чернила, вьедшиеся в дерево. «Он пишет сильно», подумала я. Пишет так, что остается след.

Я села на его место. Отсюда аудитория выглядела иначе: ближе к окну, свет косой, желтый, свой; парта, за которой я сидела утром, казалась маленькой и далекой, как чужая страна на карте. Интересно, что он видел отсюда, когда смотрел

на меня. С этой высоты, из этого света — не так ли смотрят на насекомое под стеклом, прежде чем решить, что с ним делать.

— Скальпель, — сказала я тихо.

Слово прокатилось под потолком и утонуло в гудении ламп.

— Я буду держать в руках скальпель, и не только... я стану хирургом.

Учить русский было как учить анатомию: сначала названия, потом порядок, потом смысл. Я знала по себе: если повторять слово достаточно долго, оно перестает быть чужим и становится твоим, въедается, как те чернила в дерево.

Весь перерыв я просидела на его стуле, словно примеряя чужую кожу. Я смотрела на доску, на свет, на чайку, которая села на карниз и косила на меня белым глазом, и внутри, под ребрами, что-то укладывалось в ровный ряд: не злость, не обида, а холодная, почти вежливая решимость. За дверью кашлянула уборщица с ведром. Она вошла, не глядя на меня, принялась двигать стулья, и я встала, взяла сумку и пошла к выходу. У самой двери я обернулась. Пустая парта, желтый свет, въевшиеся чернила. Я оставила там что-то, чему не умела дать имя, и забрала взамен что-то другое: ровное, твердое, как кость, которую держишь в руке и знаешь, как она называется.

Я вышла в коридор, и дверь за мной захлопнулась.

Коридор опустел быстро. Я осталась у окна, делала вид,

что смотрю в телефон, и пропускала поток мимо. На улице небо было цвета старой жести, к вечеру, наверное, польет. Через стекло я видела учебный двор: студенты кучковались у пепельниц, пар от сигарет смешивался с дыханием. У бордюра стояла белая машина, похожая на скорую помощь.

За эту неделю я выучила правило: кто выходит из аудитории первым, тот первый встает в толчею, где невозможно не задеть соседа. Лучше ждать. Лучше в толпе не растворяться.

Мимо прошли три девушки, прижавшись друг к дружке, они говорили по-русски так быстро, что я тонула в их речи. Одна рассмеялась резко и звонко, и у меня сжался желудок. «Они не над тобой, успокаивала я себя. Это не про тебя».

Но я девятнадцать лет училась читать комнату, анализировать атмосферу, изучать людей. И эта комната была холодной.

Я завернула за угол к лестничной клетке и остановилась, моего слуха коснулся знакомый голос. Тот белокурый с последнего ряда. Он стоял у двери спиной ко мне и говорил с темноволосым парнем, у которого за ухом была сигарета. В руке у блондина был картонный стакан, от него поднимался пар. «Черный кофе, наверняка, без сахара», рассудила я. Говорил он негромко, но каждое слово доносилось до меня, наверное, потому что у меня был чуткий слух... так, издержки воспитания.

— ...которая замужем?

Темноволосый пожал плечами:

— Аль-Танни. Она самая. Поговаривают, муж ее миллиардер из Катара. Говорят, ей место здесь купили.

— И ты в это веришь? Так уж прям миллиардер, — хмыкнул друг Адриана.

— А что тут думать? Они там все такие, знаешь же, браки по расчету, любовью и не пахнет. А жены — аксессуар.

Я замерла. Ноги будто приросли к полу. Нужно было выйти из-за угла, показаться, сказать, что я здесь, что нельзя вот так раскладывать чужую жизнь по полочкам, как новость в ленте.

Но я не двинулась.

Голос блондина упал, стал ниже.

— Скальпель она в руки не возьмет. Это я тебе точно говорю.

Эти слова ударили, как пощечина. В горле пересохло, воздух вокруг будто кончился.

— Просто украшение богатого человека. Красивая, чтобы показывать на публику, купленная, чтобы молчать. У нее сейчас просто пауза, год перед настоящей жизнью. А потом она вернется в свою позолоченную клетку в Дохе и будет рожать миллиардеру наследников.

— Ну ты жестко, Кузнецов. Скажи еще это ей в лицо, и ее шейх тебя покарает.

Адриан пожал плечами.

— Я лишь сказал очевидное, все в нашем классе это знают, просто боятся озвучить. — Он поморщился и у меня

кольнуло сердце. — Не люблю проплаченных.

Блондин толкнул дверь лестничной клетки, и холодная струя воздуха ударила мне в лицо. Я стояла не в силах пошевелиться, пока их шаги грохотали по ступеням и затихали. Но слова еще висели в воздухе: «украшение», «купленная», «клетка в Дохе».

Слово крутилось в голове, пока я не поняла его по-настоящему: аксессуар. Вещь, которую надевают, чтобы завершить образ. Вещь, которую можно снять, заменить, забыть.

«Просто очередное украшение богача».

Я и раньше слышала такое. В Дохе, шепотом, прямо за моей спиной: мамыны приятельницы жалели меня вполголо-са, мол, Амир женился не на мне, а на моей коже, на происхождении, он любит красивые вещи, а я как раз являюсь одной из них. Партнеры отца переглядывались, когда я заикалась про медицину: ясно, девочка едет не за дипломом, скорее...головой. Но осуждать вслух не смели — боялись Амира. Амира все боялись, даже я.

Но вот так, неприкрыто мне этого никто не говорил, даже близкие. А какой-то парень, который видел меня три часа и одну лекцию, уже решил, где мое место.

Звонок на следующую пару прозвучал, когда коридор уже наполнился голосами. Я не сдвинулась с места. Стояла в конце коридора, прижимаясь спиной к холодной стене, и давала словам осесть внутри, как камням. «Аксессуар». Слово лежало в груди, тяжелое и круглое, как большой кусок бутер-

брода, который глотают случайно, и он проходит по пищеводу вниз с такой болью, что хочется его немедленно выплюнуть, но уже поздно.

Было тихо, только батарея под подоконником лязгнула и зашипела. За окном на карнизе сидела чайка и косила на меня белым глазом. Я тронула кулон на шее, маленький серебряный полумесяц, мамин подарок, оттолкнулась от стены и пошла на следующую пару.

Аудитория на следующей паре была меньше, и лампы здесь гудели иначе — тоньше, усталее. Свободное место нашлось ровно одно, и я села, не поднимая глаз, когда врач вошел и начал вызывать группу по списку.

— Аль-Танни Жасмин, — произнес он, споткнувшись о мое имя, как о порог.

Я встала. Сорок глаз поднялись на меня. Врач посмотрел в журнал, потом на меня, потом снова в журнал, и я сразу поняла, что он тоже не знает, что со мной делать: спрашивать по-русски или по-английски, ждать, пока я свалюсь, или верить списку. В конце концов он выдохнул на русском:

— Кости, — сказал он. — Локтевой сустав. Какие кости его образуют?

— Плечевая, локтевая, лучевая, — сказала я, медленно, но без запинки. Я в его глазах мгновенно отразилось удивление и...одобрение? — Плечевая дистально, локтевая и лучевая проксимально.

В аудитории стало тихо, как в пустой церкви. Врач кив-

нул и, помолчав, поставил что-то в журнал. Я села, довольно уверенно, хотя пальцы под столом дрожали, а сердце стучало так, будто я пробежала марафон, но внутри было светло и горячо, как после первой удачной инъекции на тренировке в Дохе.

Соседка, Катя — та же, с запахом ванили и табака — толкнула меня под локоть и пододвинула тетрадь. На полях было написано крупно, с нажимом: «Держи. Ты огонь. Скажи, если что надо».

Я посмотрела на нее. Она улыбнулась одними уголками губ и вернулась к конспекту, будто ничего не случилось. Я перечитала записку три раза, прежде чем сложить ее пополам и убрать в карман пальто — туда, где лежал кулон, мамин подарок, маленький серебряный полумесяц. Два теплых предмета в одном холодном кармане. Я держала ладонь на них всю пару и улыбалась.

После пары она не стала со мной заговаривать, только махнула рукой на прощание — легко, без обязательств, как машут своим. Я помахала в ответ, и от этого простого движения почему-то защипало в носу. В Дохе подруги у меня были другие: воспитанные, осторожные, они знали, как называется моя семья, еще до того, как узнавали меня. А эта девушка с ванилью и дымом знала одно мое имя и уже захотела со мной дружить.

Я вышла в коридор, и слова ее записки грели мой карман весь оставшийся день, он прошел, как под водой: пары, ко-

ридоры, новые лица и постоянное жжение между лопатками, знание, что на меня смотрят и смотрят. Я не разговаривала ни с кем, записывала, кивала, молчала и дожидалась вечера. К исходу дня гудели ноги и пылала голова. Я вышла в холод, и толпа понесла меня вниз, к метро, ступень за ступенью, под землю.

Станция оказалась памятником прошлой эпохи: мраморные колонны, тяжелые люстры, мозаики с героическими рабочими и спортсменами. Поезда накатывали из темных жерл и уезжали, как звери. Я стояла в набитом вагоне, уцепившись за поручень, и смотрела, как за окном вспыхивают туннельные огни. Наконец на одной из остановок в меня ввалился пьяный мужчина, толкнул локтем, буркнул, не глядя, «извините» и канул к выходу. Я вжалась в угол. Женщина напротив долго разглядывала мой хиджаб, а когда я подняла глаза, отвела взгляд.

Пересаживалась я дважды и старательно запоминала дорогу. Эскалатор нес меня вверх почти три минуты, и своды над головой проплывали свод за сводом, как во дворце. Наверху сырой воздух хлестнул по лицу, я застегнула пальто под горло и вышла к улице.

У края тротуара стоял черный внедорожник. Дмитрий, водитель Амира, ждал у задней двери: широкоплечий, бесстрастный, молчаливый, как всегда. Он открыл дверь без единого слова. Кожаное сиденье мягко приняло меня. Дмитрий сел за руль и посмотрел в зеркало заднего вида.

— Как прошел первый день, мадам?

«Мадам». Я до сих пор не привыкла. В Дохе я была бинт Аль-Тахим, то есть дочь: в моем имени жило имя отца. Теперь мадам, то есть жена: в моем имени жило имя мужа, когда же меня перестанут определять мужчины вокруг? Я облизнула губы.

— Хорошо, — сказала я. — Поехали домой, пожалуйста.

Ленинградский проспект стоял в пробке. Ряд хвостов тянулся до горизонта, красные огни стоп-сигналов переливались, как река рубинов. Я смотрела, как город плывет мимо: сталинские высотки с лепниной и статуями, как свадебные торты, стеклянные башни Москва-Сити, протыкающие серое небо иглами. На углу женщина продавала хризантемы из пластиковых ведер, мимо прошла бабушка в выцветшем пальто с тележкой картошки. Москва, город контрастов. Миллиардеры и бабушки на одной ветке метро, дорогие бутики рядом с облупленными пятиэтажками. А в середине всего этого я: смуглая девушка из Персидского залива, жена человека, которого знаю два года, студентка медицины на чужом языке.

— Дмитрий, — выпалила я. — Остановите, пожалуйста.

Он не удивился, не задал вопросов, вообще никак не отреагировал — просто включил поворотник, прижался к обочине у светофора и поставил машину на ручник. То была его работа — исполнять приказы, как теперь и моя... стоп. Ты не будешь сегодня об этом думать.

Я вышла, и сырой воздух ударил в лицо, пахнувший бензином, мокрым асфальтом и хризантемами.

Женщина у ведер подняла на меня глаза. Она была немолодая, в пуховом платке поверх пальто, в варежках с дыркой на большом пальце. Цветы стояли в трех синих ведрах: желтые, бордовые, белые, как снег.

— Сколько стоит? — спросила я, и слова вышли ломкие, как лед.

— Белые по триста, — сказала она. — Желтые по двести.

— Дайте белых, пожалуйста...десять, штук? — вопросительных тон в моем голосе ее нисколько не смутил, а я все не могла понять, правильно ли справляюсь с числами. В русском языке было столько нюансов, иногда я тонула в них.

Она принялась собирать букет, а я смотрела, как ее руки, задубевшие, в трещинах, перебирают стебли, отбраковывают увядшие. Руки, знающие свое дело. Я задумалась: сколько лет она стоит здесь, на этом углу, сколько хризантем прошло через эти пальцы — на свадьбы, на похороны, в чужие гостиные? А я ни разу в жизни не покупала цветов, их всегда покупали мне и за меня.

Женщина протянула букет, перевязанный бечевкой, и добавила одиннадцатый цветок — боком, в самый край, не спрашивая.

— Бери, — сказала она. — Такая красивая! И чего ты такая грустная?

Я улыбнулась, заплатила, забрала букет и вернулась в ма-

шину. Это я умела еще с детства — молчать и улыбаться, когда не знаешь, что сказать. «Когда молчишь — ты красивая и загадочная, а скажешь не то — и репутация испорчена безвозвратно.» Я вспомнила слова отца. В салоне запахло осенью: стеблями, прохладой, чужим садом. Дмитрий посмотрел в зеркало заднего вида — мельком, без выражения — и мы поехали дальше, вливаясь в красную реку хвостов.

Я держала букет на коленях, белые хризантемы, плотные, холодные, капля воды скатилась с лепестка мне на ладонь. «И чего ты такая грустная?». Женщина с дыркой на варежке увидела меня лучше, чем все, кто смотрел мне в лицо весь этот день. Она не знала моего имени, не знала, чья я жена, — и все равно отдала мне цветок даром, просто как человеку.

В лифте, поднимаясь на пятьдесят четвертый этаж, я держала букет перед собой, как трофей. Белые хризантемы отражались в зеркальных стенах лифта — десять отражений меня с цветами, десять девушек в хиджабе, и все они улыбались. Никогда еще простой букет так не радовал меня и не заставлял почувствовать себя настолько живой.

Я подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.